

Сергей Николаевич Белкин –

главный редактор альманаха
и портала «Развитие и экономика»

Четыре мечты

*Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!*

Александр Блок

Американская мечта

Американская мечта – первая и самая известная политическая конструкция такого рода. Наименование «Американская мечта» впервые промелькнуло еще в «Истории Соединенных Штатов» Генри Адамса, опубликованной в 1884 году. Но это словосочетание надолго осталось проходной метафорой, не получившей ни отклика, ни развития. Америку всколыхнула Американская мечта, сформулированная Джеймсом Адамсом в трактате «Эпос Америки», вышедшем в 1931 году, в разгар Великой депрессии: «...американская мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает. Европейским высшим сословиям трудно адекватно интерпретировать эту мечту, да и многие из нас недоверчивы и слишком устали.

Это мечта не просто об автомобиле и высокой зарплате, но о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина могут в полной мере достичь того, чего они способны достичь изначально, причем их достижения должны быть признаны другими вне зависимости от случайных обстоятельств рождения или положения в обществе».

В трудные для всех времена у народа появилась надежда, а с ней и вера. Разумеется, не сразу после опубликования «Эпоса Америки» весь народ охватило воодушевление. Чтобы мечта заработала и стала действенной, она должна была пройти через горнило культуры, причем культуры массовой, войти в лексикон политиков, завоевать одну из самых великих вершин общественного сознания – стать мифом. Интуитивно найденное словосочетание, инстинкт художника, вбро-

шенный в контекст переживаний и чаяний полуфабрикат политического конструкта не просто прижился, но стал самодостаточным мемом, двигателем и источником энергии одновременно.

Американская мечта выросла из глубоких корней. И корни эти часто видят в идеологии свободы, в политических документах — Декларации независимости и Билле о правах. Действительно, многие смыслы, озвученные в этих основополагающих документах, восприняты Американской мечтой, но корни мечты — в иной сфере: в эмоциональной памяти поколений американцев. Мечта — это прежде всего эмоция, а не доктрина и не идея. (Об отличии понятий «идея» и «мечта» будет сказано подробнее в разделе, посвященном Русской мечте.) Поколения иммигрантов ехали в Америку за мечтой — мечтой о свободе от сословных и религиозных ограничений, мечтой о достатке как вознаграждении за собственный труд, мечтой о равенстве возможностей. Многим удавалось свою мечту реализовать, превратить мечту в цель и достичь ее. Тогда они становились примерами для всё новых и новых поколений. Так мечта превращалась в действенный образ, оправдывающий ожидания. За десятилетия после Великой депрессии многое изменилось и в Америке, и в мире. Трансформировалось и восприятие Американской мечты. Одним из базовых материальных компонентов воплощения мечты был и остается собственный дом. Важной является возможность вертикальной мобильности — каждый может получить любую профессию, стать миллионером, рожденный на территории США — президентом. Этническое равенство и особая форма американской жизни породили образ «плавильного кот-

Джеймс Адамс:

«Это мечта не просто об автомобиле и высокой зарплате, но о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина могут в полной мере достичь того, чего они способны достичь изначально, причем их достижения должны быть признаны другими вне зависимости от случайных обстоятельств рождения или положения в обществе».

ла», ставший частью Американской мечты. Правда, в последние годы отсутствие «переплавки» стало очевидным для всех: американцы не забывают о своем этническом происхождении, мексиканцы, поляки, ирландцы, англичане, евреи — и все прочие общим числом свыше сотни национальностей — остаются мексиканцами, поляками и так да-

лее. То есть «сплав» как этнически новое, усреднившее всех образование не возник. Тем не менее Америка осознанно препятствовала формированию административно-территориальной структуры государства, в основе которой были бы этнические признаки. Для этого пришлось лишить Америку коренного населения (индейцев) путем

их почти тотального истребления, а иммигрантам не давать заселяться компактно и препятствовать формированию этнических партий и администраций. Сейчас вместо образа «плавильного котла» пытаются внедрить образ «салатницы» (*salad bowl*), подчеркивая этим, что в салате помидор остается помидором, огурец — огурцом, но все вместе они образуют «новую общность» — салат.

Американская мечта воплотилась в различные зримых образах. Интересно, в каких ипостасях Американская мечта представала в пространстве потребительских ценностей. Тед Аунби в своем исследовании «Американские мечты в Миссисипи» (1999) выделяет четыре мечты о потребительской сфере: «Мечта об изобилии» (*Dream of Abundance*) — материальные блага в таком изобилии для всех, чтобы каждый гордился принадлежностью к самому богатому обществу на земле; «Мечта о демократичности товаров» (*Dream of a Democracy of Goods*) — равный доступ каждого к любой продукции независимо от расы, пола или класса; «Мечта о свободе выбора» (*Dream of Freedom of Choice*) — право придерживаться любой моды и своего особого образа жизни; «Мечта об обновлении» (*Dream of Novelty*) — постоянно обновляющийся мир моделей, продуктов, навыков их использования.

Американская мечта выходит за рамки представлений об Америке и американском образе жизни *per se*, существенной стороной мечты была и роль Америки в мире. Ее важным компонентом стала доктрина Монро, возникшая на сто с лишним лет раньше самой мечты. Содержащийся в доктрине эмоциональный заряд жив до сих пор, хотя сами принципы — принцип разделения мира на европейскую и

американскую системы государственного устройства, принцип невмешательства США во внутренние дела европейских стран и, соответственно, невмешательства европейских держав во внутренние дела стран Западного полушария — давно нарушены, и США не просто вмешиваются, а жестким образом диктуют свою волю всему миру. Несмотря на это Американская мечта продолжает нести в себе представления не только об исключительности Америки, ее «незаменимости» для всего мира, но и уверенность в том, что Америка не просто «вмешивается в чужие дела», а несет миру свет демократии и свободы, исправляет «плохие политические режимы», делая их «хорошими».

Завершая часть статьи, посвященную Американской мечте, сформулируем ее квинтэссенцию: Американская мечта сводится к тому, что каждый может достичь успеха, если будет много и хорошо работать, развивая при этом свои личные качества. Американская мечта была — и всё еще остается — мощным стимулом, двигателем Америки. Однако в последние десятилетия нарастает разочарование, реализовать мечту становится всё труднее. Количество американцев, стремящихся к успеху, но не достигающих его, растет: против них действуют экономические кризисы, циничная алчность, защищенная словами о конкуренции, фактически сформировавшаяся сословно-клановая структура общества, модель экстенсивной экономики, которой уже некуда расширяться. Шансы на успех еще сохраняются, но их не сравнить с теми, которые были полвека и более тому назад. Опросы последних лет показывают, что уже более трети американцев утратили веру в Американскую мечту.

Вопрос о несоответствии Американской мечты реальному положению дел в стране, о грубом искажении самой сути заложенных в ней идеалов, об отходе от традиционных американских ценностей и всем остальном, что составляет критику американского образа жизни и его устоев, выходит за рамки статьи. Здесь мы больше говорим о мечте, чем о ее воплощениях. Вопрос, разумеется, более чем существенный, но мы рискуем лишь упомянуть о нем, полагаясь на огромный массив исследований и публицистических работ, посвященных этой теме.

Европейская мечта

У Европейской мечты нет такого письменного и эмоционального базиса, как у Американской мечты, она не приняла форму политического конструкта. Тем не менее о ней можно говорить, отделяя собственно политико-экономический проект создания Европейского союза от идущего рядом с ним и даже впереди него образа целостной Европы, который несет в себе качества именно мечты. Призывам к объединению европейских государств более сотни лет. Понадобились две чудовищные войны — вдобавок к сотням бывших в Европе до них, — чтобы эту идею удалось реализовать. Понадобилось создать мощный блок социалистических стран, чтобы европейские политики обрели опору, антитезу, воспринимаемую как угрозу, против которой надо объединяться. Но все эти факторы — лишь дополнительные мотивации, ставшие решающими для политических решений. Мечта же обретала свой долгий путь в древней европейской истории, в том числе — в истории великих империй: рождавшихся, распадавшихся, вновь возникавших и опять гибнувших...

Достаточно взглянуть на карту Европы, чтобы понять: мира и взаимного уважения народов тут не было веками. Скроить столь пестрое, разноцветное лоскутное одеяло можно было только в результате непрерывных войн друг с другом. По правде сказать, и исходные условия в этом смысле Европе достались весьма сложные: десятки этносов, языков, множество религий, каждая из которых дробится внутри себя самой на враждующие группы. Казни, резня, войны, инквизиция и — грабежи, грабежи, грабежи... Самые влиятельные мировые идеологии — в том числе и наиболее радикальные, человеконенавистнические — родились в Европе. Даже Американская мечта, в сущности, зародилась в Европе: иммигранты, ехавшие из Европы в Америку, мечтали о том, о чем они в Европе и мечтать не могли.

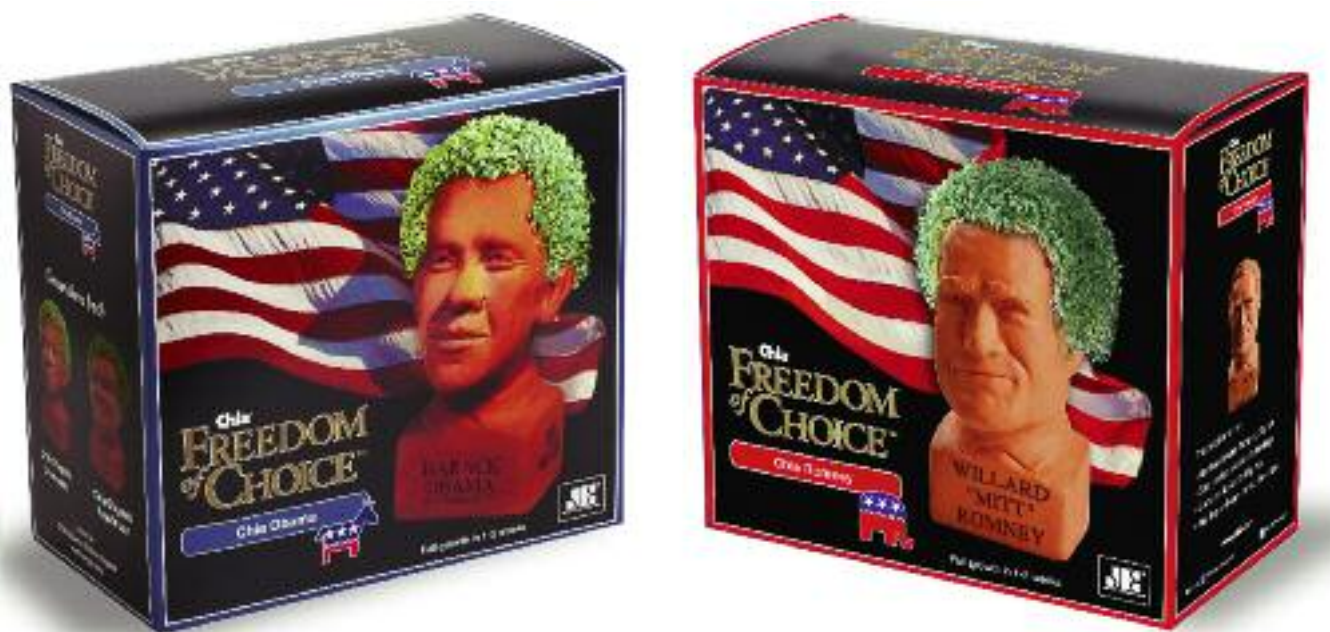
Вся мировая наука возникла и развилась здесь же, в Европе. Мировое искусство — европейское в своих наиболее распространенных формах. Нет ничего сложнее и трагичнее, чем европейская история. Именно поэтому Европейская мечта выстрадала стремление к единению и миру, а не к индивидуализму и конкуренции. Европейская мечта в этом смысле — антитеза Американской мечты. Если в Америке основу мечты составляют личные усилия, то в Европе приходится сперва позаботиться о создании благоприятной для этого среды обитания. Для американцев свобода — это личная независимость. Для европейца — благоприятное взаимодействие с окружающими. Размышляя о Европейской и Американской мечтах, Джереми Рифкин (США) пишет: «Американская мечта подчеркивает экономический рост, личное богатство и независимость. Новая Европейская мечта обращает внимание

Этническое равенство и особая форма американской жизни породили образ «плавильного котла», ставший частью Американской мечты. Правда, в последние годы отсутствие «переплавки» стало очевидным для всех.

на устойчивое развитие, качество жизни и взаимозависимость. Американская мечта обращает внимание на трудовую этику. Европейская мечта более склонна к ценности отдыха и игре. Американская мечта неотделима от религиозного наследия страны и ее глубокой веры. Европейская мечта, по сути своей, свет-

ская. Американская мечта зависит от ассимиляции, благодаря которой все отбрасывают свои этнические корни и становятся свободными агентами американского «плавильного котла». Европа наоборот стремится сохранить свою культуру в мультикультурном мире. Американцы часто выражают свою любовь к стране и пат-

Американская мечта сводится к тому, что каждый может достичь успеха, если будет много и хорошо работать, развивая при этом свои личные качества. Американская мечта была – и всё еще остается – мощным стимулом, двигателем Америки. Однако в последние десятилетия нарастает разочарование, реализовать мечту становится всё труднее.

риотизм. Европейцы, напротив, более космополитичны. Американцы чаще стремятся решать вопросы военной силой. Европейцы предпочитают дипломатию, экономическую помощь и миротворческие операции для поддержания порядка».

Трудно сказать – в какой мере нечто, называемое Европейской мечтой, пронизывает европейцев на эмоциональном уровне, придавая им силы и энтузиазм в процессе строительства общеевропейского дома. Кажется, о таком уровне влияния мечты говорить рано. Пока можно пытаться проанализировать потенциальные возможности формирования, выделения именно мечты из проекта «объединенной Европы». Если бы не порочное и саморазрушительное стремление оттяпать у бывшего Восточного блока как можно больше стран и народов ради его ослабления, а

не ради собственной силы, если бы не растрата огромных ресурсов на воспитание ненависти к России и ее прошлому, Европейский союз мог бы быть намного более успешным проектом, в котором выкристаллизовалась бы и оптимистическая мечта, воодушевившая всех на движение к общей цели, а не на отторжение от «нежелательного» прошлого и «плохих» соседей.

Анализируя Европейскую Конституцию в попытке отыскать в ней суть Европейской мечты, Джереми Рифкин с американской прямолинейностью отмечает, что «многие предложения 265-страничной Европейской Конституции списаны с американской Декларации независимости и Билля о правах». Но при этом он указывает, что «в ней содержатся и другие идеи, которые настолько чужды современной американской душе, что могут вызвать подозрения и

даже мысли о том, что европейцы слегка чокнутые». Недоумение американского философа и экономиста вызвали прежде всего два факта, касающиеся религии и частной собственности. В Европейской Конституции, к его удивлению, «нет ни единого упоминания о Боге, и есть лишь туманные упоминания “религиозного наследия” Европы. Для континента, где на каждом шагу стоят кафедральные соборы и церкви, это странно. Многие европейцы больше не верят в Бога. 82 процента американцев считают, что Бог для них очень важен, в то время как в Европе таких людей всего 20 процентов. “Пострадал” от невнимания не только Бог. В Конституции есть всего одно упоминание о частной собственности, да и оно скрыто далеко в глубине документа, как и краткое упоминание свободных рынков и торговли». Тем не менее Рифкин объявляет себя не просто поклонником, но и приверженцем идей, заложенных в Евроконституции, формулируя свою позицию весьма радикально: «Американская мечта заслуживает смерти, Европейская мечта – жизни». К этому

выводу он приходит потому, что «это первый конституционный документ, вышедший на уровень глобального мышления. Весь язык Конституции пронизан универсализмом, обращая внимание не на народ, или территорию, или нацию, а скорее на весь человеческий род и населенную им планету».

При всей размытости определений (которые в строгом смысле в общем-то отсутствуют) Американской и Европейской мечты, противоречия между ними очевидны. И они неизбежно приходят в столкновение. Если об экономических противоречиях, стремлении США подчинить себе, своим экономическим и политическим интересам полумиллиардную Европу сказано и написано много, то о борьбе между такими эфемерными — по сравнению с военными базами и финансовой системой — сущностями, как «две мечты», сказано меньше. Но именно мечты придают силы, а их отсутствие — лишает сил.

Китайская мечта

Китайская мечта — самая молодая, несмотря на то что Китай — одно из древнейших государств. Как политический лозунг Китайская мечта вошла в жизнь страны и стала распространяться по миру начиная с ноября 2012 года, после XVIII съезда Компартии Китая. Став новым партийным лидером, Си Цзиньпин заявил, что «осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайского народа начиная с Нового времени». И при этом сформулировал три ее цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации, создание счастливой жизни для народа. Эти цели достижимы при соблюдении следующих условий.

Во-первых, страна должна двигаться вперед по собственному «китайскому пути», найденному в результате длительных и трудных поисков. Во-вторых, для осуществления такой «величайшей мечты» нужно «развивать китайский дух», опирающийся на патриотизм, реформы и инновации. В-третьих, обязательно следует «сплотить силы Китая». В своем первом интервью в статусе национального лидера Си Цзиньпин разъяснил: «Наш народ любит жизнь. Он ждет, чтобы лучше стало образование, более стабильной была работа, более удовлетворительными стали доходы, более надежными — социальные гарантии, более высоким — уровень медицинского обслуживания, более комфортабельными — жилищные условия, более прекрасной — окружающая среда. Народ ждет, чтобы дети могли расти, работать и жить еще лучше. Устремленность людей к прекрасной жизни — это и есть цель нашей борьбы».

Распространение китайской мечты в обществе и внедрение ее в сознание каждого китайца осуществляется с помощью механизмов общественного управления, отработанных Коммунистической партией Китая. Через систему СМИ, сеть партийных организаций содержание и цели, идейно-воспитательное значение Китайской мечты были доведены до каждого. В мае 2015 года на общенациональном форуме под названием «В осуществлении Китайской мечты молодежь смело берется за дело» Си Цзиньпин отметил: «Теперь все обсуждают Китайскую мечту, все думают о том, как Китайская мечта связана с ними, о своей ответственности за исполнение Китайской мечты». В том же выступлении прозвучали три важные характеристики Китайской мечты: она принадлежит «про-

шлому, настоящему и будущему», «государству, нации и также каждому китайцу», «Китайская мечта наша, но еще более она принадлежит молодому поколению».

Сравнивая генезис Китайской мечты с Американской и Европейской, мы видим, что Китайская мечта рождена в высшем политическом органе страны и «спущена сверху» в качестве лозунга и цели, а не выкристаллизовалась в народном сознании как народные чаяния, не сформулирована в трудах философов или писателей, отражающих общественные процессы. Однако нельзя не заметить и того, что все простые и понятные каждому китайцу лозунги воспринимаются им как свои собственные, как то, о чем действительно все мечтают. Так что, несмотря на своеобразную форму, в которой Китайская мечта была явлена народу и миру, ее содержание не слишком отличается от Американской или Европейской: те же стремления к хорошей жизни, что и у всех народов.

Проблема соотношения индивидуализма и коллективизма — актуальная и в Америке, и в Европе — в Китае еще не столь остра. Однако сквозь традиционный многовековой коллективизм ростки индивидуализма пробиваются и уже являются проблемой, о которой следует вовремя позаботиться. Этот аспект текущего развития Китая учтен в концепции Китайской мечты. Си Цзиньпин подчеркивает: «История говорит нам, что перспектива и судьба каждого человека тесно соединены с перспективой и судьбой государства и нации. Государству хорошо, нации хорошо, и тогда всем хорошо». В этих словах явно слышна проповедь коллективизма. Но забота о сочетании индивидуального и коллективного проявлена в других словах лидера: «Ки-

тайская мечта — это национальная мечта, но это также и мечта каждого китайца». Си Цзиньпин призывает людей сплотиться для осуществления общей мечты через стремление к личным целям, подчеркивая: «У нас есть широкое пространство для стараний каждого человека по реализации своей мечты».

Так что непримиримых противоречий между мечтами Китайской, Европейской и Американской — нет. Это не значит, что нет политических, экономических и многих иных противоречий. Но на уровне мечты Китайская содержит как коллективистские стремления, различные в европейском видении, так и индивидуальный успех, мечты о богатстве — сродни американским идеалам.

Будучи молодой политической концепцией, Китайская мечта еще не накопила того многолетнего корпуса всесторонних исследований и анализа, каким может похвастаться Американская мечта. Пока появляются лишь самые первые исследования, наблюдения за ходом реализации Китайской мечты. Александр Ломанов из Института Дальнего Востока РАН отмечает ряд важных сторон Китайской мечты. Рассматривая аспект «развития китайского духа», заявленный в концепции мечты, Ломанов пишет: «Старые мечты не исчезли из китайской мысли. Возникшая в Китае более двух тысячелетий назад идея общества “великого единения” (датун), когда “Поднебесная принадлежит всем”, в новых условиях стала синонимом идей социализма. Древние конфуцианцы полагали, что ступенью к этому идеальному обществу является общество “малого благосостояния” (сяокан), когда люди обеспечены основными условиями для жизни. Обе идеи вошли в китайские политиче-

ские проекты XX века — мечта о “великом единении” увлекла лидера демократической революции 1911 года Сунь Ятсена, а в 1979 году “архитектор реформ” Дэн Сяопин провозгласил цель создать в Китае общество “малого благосостояния”». Автор подчеркивает, что сейчас «завершение всестороннего строительства общества “малого благосостояния”» рассматривается как элемент Китайской мечты. «Эта цель должна быть достигнута к столетнему юбилею создания КПК, то есть к 2021 году».

Экономические проблемы и трудности, которые Китай уже начал ощущать и вполне трезво ожидает их усиления в будущем, требуют пересмотра, корректировки политико-экономической парадигмы. Важная роль в этот переходный период отводится как раз Китайской мечте. Именно ей предстоит консолидировать общество, разделенное прежде всего по имущественному уровню. Китайская мечта может, по-видимому, претендовать и на некий если не синтез, то эмоциональный консенсус марксизма, конфуцианства и экономического либерализма. Отходя в сторону от прямой идеологической конфронтации, Китайская мечта сохраняет приверженность одновременно и к социализму, и к конфуцианской этике, и к экономическим свободам, конкуренции, стремлению к богатству. Китайская мечта не является продуктом исключительно внутреннего потребления. Она обращена ко всему миру. Старые тезисы Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, в которых были высказаны ожидания грядущей политической и экономической мощи Китая, которая изменит место и роль страны в мире, сегодня приобрели зримую актуальность. Си Цзиньпин заявляет, что «Китай будет не только разви-

ваться сам, но и нести ответственность за развитие всего мира и вносить вклад в это развитие, создавать блага не только для народа Китая, но и для народов всего мира. Осуществление Китайской мечты принесет миру мир, а не потрясения, это шанс, а не угроза». При этом Китайская мечта — в отличие от Американской — не навязывает себя миру, не претендует на универсальность. Но не забывает и о гармоничном, неконфронтационном взаимодействии с миром. Летом 2013 года на пресс-конференции, которую Си Цзиньпин провел совместно с президентом США Бараком Обамой, китайский лидер сделал акцент именно на этом аспекте: «Китайская мечта должна реализовать богатое и сильное государство, национальное возрождение, народное счастье, это мечта о мире, развитии, сотрудничестве и взаимном выигрыше, она сообщается с лучшими мечтами всех народов мира, включая Американскую мечту».

Юрий Тавровский в статье «Китайская мечта в новогоднем наряде», опубликованной 20 января 2014 года в «Независимой газете», описывает, как пропаганда Китайской мечты реализуется в виде плакатов, которыми сейчас обклеены стены домов и заборы по всей стране: «Вот девчушка в традиционном халате, а рядом надпись: “Китайская мечта — моя мечта”. Вот семья занята заготовками в своем дворике, а пожелание гласит: “Пусть всегда будет солнце и много вина!” Вот летучая мышь, символ счастья, несет корзину цветов и монет. Надпись: “Богатство каждой семье”. Но богатство не приходит само по себе — надо как следует поработать: картина сбора урожая сопровождается подписью: “Вырастить урожай — пролить реку пота”. Ребенок обхватил руками огромную ры-

бину, которая по-китайски читается так же, как иероглиф “изобилие”. Семейная идиллия: мама шьет, дочка читает, петухи поют, кошки мурлычут. Надпись: “Учиться, трудиться, осуществлять Китайскую мечту”. На многих плакатах выделяются иероглифы, означающие ключевые принципы конфуцианства. Вот иероглиф “хэ”, смысл которого очень упрощенно означает “единство” или “гармония”. У плаката с надписью “Сяо — прекрасная добродетель Поднебесной” стоят представители трех поколений. На плакате те же три поколения — мальчик трет спинку папе, а тот, в свою очередь, омывает ноги бабушке. “Сяо” — это ключевой принцип учения Конфуция, подразумевающий почтение младших к старшим, гармонию поколений».

Практическая политика — это управление обществом для достижения каких-то целей. Какие бы политические и эконо-

Нет ничего сложнее и трагичнее, чем европейская история. Именно поэтому Европейская мечта выстрадала стремление к единению и миру, а не к индивидуализму и конкуренции. Европейская мечта в этом смысле — антитеза Американской мечте.

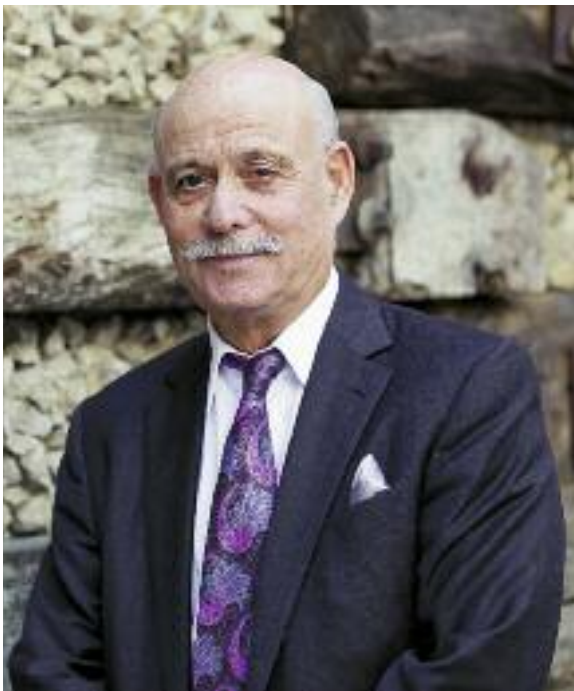
мические цели ни ставились, у них есть этическое измерение: во благо или во зло. Только воздействуя на базис — а базисом является ценностно-этическое мироощущение народа, — можно добиться управленческого результата. Это общий принцип управления чем-либо. Базисом политики, осуществляемой в интересах конкретного народа, страны, должна быть этическая система этого народа, этой страны. И если в Китае сложилась именно этическая система, пронизывающая всё мировоззрение, включая политические решения, то в России такой опоры у политиков нет. И в этом я вижу проблему выработки политики, стратегии развития России в интересах ее народа. Практическая политика в России утратила связь с цен-

ностно-этическим базисом народной жизни. Если эта связь не будет найдена как в своей глубинной сути, так и в форме, соответствующей сегодняшнему дню, Россия может просто исчезнуть как государство.

Русская мечта

Следует, как это часто приходится делать, уточнить, что в понятии «Русская мечта» под «русским» понимается не этнический и тем более не религиозный компонент, а обобщенное наименование населения Российской империи, СССР, России. В последнее время для уточнения этого аспекта используют понятие «россияне» и даже англицизм «рашнз».

Разговор о Русской мечте можно начать с утверждения: её нет. А раз так, то, казалось

Джереми Рифкин (на фото) объявляет себя не просто поклонником, но и приверженцем идей, заложенных в Евроконституции, формулируя свою позицию весьма радикально: «Американская мечта заслуживает смерти, Европейская мечта – жизни». К этому выводу он приходит потому, что «это первый конституционный документ, вышедший на уровень глобального мышления».

бы, рассуждать и писать не о чем. Однако «блистательное отсутствие» Русской мечты столь многозначительно, что дает серьезный повод для размышлений.

Если бы Русская мечта существовала, то это означало бы существование некой социально значимой, принимаемой большинством доминанты ожиданий, если говорить языком психологии, или образа будущего, если говорить языком политики. Доминанта и образ не являются простой суммой личных планов и целей каждого. Этот социальный продукт должен быть создан преднамеренно, он должен быть предложен народу и воспринят им – как это имело место в случае с Американской или Китайской мечтами.

Так что Русская мечта – это вовсе не то, чем народ всегда обладает. Бывают периоды,

когда народ продолжают существовать, не имея объединяющей его мечты. Именно этот период сейчас переживает Россия. Такое состояние страны я считаю противоестественным и опасным.

Кто-то из читателей, быть может, уже вспомнил про Русскую идею? Кто-то, возможно, полагает, что эти концепты – Русская мечта и Русская идея – близки настолько, что к ним можно относиться если не как к синонимам, то как к модификациям чего-то глубинно совпадающего?

Нет, это не так. Это две совершенно разные, принципиально – в самых главных основаниях! – не совпадающие концепции.

Русская идея (копирайт Фёдора Достоевского) – это «замысел Божий о русском народе», который нам неведом, но нам даны право и возможность пытаться его постигать хотя бы фрагментарно, хотя бы в отдельных ипостасях и сторонах жизни. Говоря об этом иным языком: Русская идея – это некий код, программа возникновения, развития и жизни народа как целого. Размышляя о Русской идее Достоевского, Фёдор Степун так описал метафору, через которую можно ее раскрыть: это «Божественное семя, брошенное на землю и из которого вырастает Божий сад». Важным аспектом Русской идеи, как подчеркивает Степун, является ощущение, признак тайны. Тайна – важное свойство Русской идеи в понимании Достоевского и таких русских философов, как Соловь-

ев, Бердяев, Ильин. Размышляя о своеобразии русского пути, обусловленного метафизическими, внешними по отношению к нему причинами, они не наделяли народ субъектностью в той части, которая остается тайной. А историческая миссия как раз там, по их мнению, и находится. Иной взгляд на исторический процесс налагает на самого человека и обязанность творить историю, и ответственность за это, наделяя человека полным комплектом необходимых возможностей и ресурсов. Подобный подход – его можно увидеть, скажем, у марксистов, протестантов и иных «прагматиков» – уводит в сторону от мистической идеи, предлагая конкретные цели и пути их достижения. Именно в этом промежутке – между мистической идеей и политической программой – обитает мечта, способная превратиться в Мечту, обретя качества политического конструкта, не теряющего при этом эмоционального наполнения.

Прежде чем вернуться к вопросу о Русской мечте, подчеркнем еще одно обстоятельство, касающееся Русской идеи: ни в одном из аспектов, ни в одном из толкований Русская идея не концептуализирована как политическое действие. Это концепт философско-религиозный, а не политический, и оперировать им в политическом дискурсе следует, не забывая об этом. В то же время концепт мечты, благодаря прежде всего осуществленному опыту формирования Американской мечты как общественно-политического конструкта, как действия, бытует именно как концепт политический. Поэтому Русская мечта может быть инструментом практической политики, а Русская идея на протяжении полутора веков своего существования и раз-

вития остается лишь философско-религиозным фоном, на котором и в привязке к которому возникают и действуют инструменты практической политики.

Поэтому Русская – и всякая иная – мечта не есть только лишь комплекс неких таинственных мироощущений народа, идеалов, к которым он готов устремиться и которые надо как-то распознать. В рассматриваемом контексте мечта – прежде всего политическая программа, выраженная в эмоционально чувственной образной форме и направленная на реализацию той части мироощущения народа, которую мы называем чаяниями. Существовала ли когда-либо прежде Русская мечта – как духовно-материальный комплексный идеал народа? Да, существовала – со многими оговорками, но – существовала. В нашей истории были периоды, когда народ охватывало некое общее стремление, которое мы, с оговорками, можем называть Русской мечтой. Оговорки будут относиться прежде всего к масштабу, к широте охвата народа той или иной мечтой. Так, например, в первые полтора десятилетия XX века «прогрессивная» часть русского общества страстно желала конституции, ограничения прав монарха. Для какой-то части общества это было мечтой, но не для огромного крестьянского большинства. Вскользь здесь упомянем одних из самых влия-

тельных «мечтателей» мира – масонов. Именно мечта лежит в основе масонского движения, причем мечта социально-политическая. Влияние масонов, в частности, на свержение монархии в России было, по-видимому, существенным, и в этом проявилось влияние их – масонской – мечты. Но вряд ли кто-то станет называть эту мечту общерусской.

Уже после свержения монархии, в горниле бушевавших тогда страстей и конкурировавших идей, программ, личностей удалось нащупать чаяния народа. Действительно, массовый отклик обрели самые первые лозунги большевиков, бывших тогда в союзе с левыми эсерами: «Земля – крестьянам, мир – народам, хлеб – голодным!» Такие призывы, несомненно, оказывали такое же эмоциональное воздействие, как Мечта, а поэтому и «четвертый член» большевистского призыва – «Власть – Советам!» – находил отклик.

Почему?

Фундаментальной, сакральной мечтой русского народа была и остается мечта о справедливом обществе. На протяжении всей истории России

любые трансформации ее политического устройства можно рассматривать как поиск, как попытки создания общества справедливости. Этот процесс подчинялся нескольким мотивациям: длительному, «вечному» стремлению к справедливости, к «правде» и ситуативным откликам на текущие исторические вызовы, на смену укладов, происшедшую под влиянием научно-технического прогресса, на изменение социальной структуры общества, отражавшее динамику исторического процесса. Стремление к справедливости несет в себе признаки национальной мечты – и по степени устойчивости, и по уровню эмоционального накала, и по мифологичности самого образа справедливости. В каких конкретных формах может существовать такое общество, какой в нем должен быть установлен порядок, какими должны быть его социальная структура, уровень материального благосостояния и технического развития – вопросы, воспринимающиеся общественным подсознанием как вторичные. Рациональный ум вопиет: они не могут быть вторичными, это и есть либо справедливые, либо

Си Цзиньпин (на плакате) заявил, что «осуществление великого возрождения китайской нации – это величайшая мечта китайского нации начиная с Нового времени». И при этом сформулировал три ее цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации, создание счастливой жизни для народа.

Юрий Тавровский:

«Вот девушка в традиционном халате, а рядом надпись: “Китайская мечта – моя мечта”».

несправедливые компоненты, определяющие всю суть общества! Нельзя раскрыть понятие справедливости, не раскрыв, не сконструировав важнейшие аспекты организации жизни. Но иррациональная, метафизическая часть общественного (и личного) сознания тихим голосом, на бессловесном уровне несет в себе устойчивое ощущение и даже понимание того — что «по справедливости», «по правде», «по совести», а что — нет.

Вопрос о том, как те или иные идеи либо выживают, становятся долгоживущими, влиятельными доктринами, религиозными учениями, идеологиями и пр., а другие «уходят

в отвал», — давно, со времен сомнений в существовании «единственно верного учения», перестал казаться простым. Например, развивающееся в последнее время направление, называемое меметикой, предлагает новый взгляд на «борьбу идей», рассматривая ее с точки зрения естественного отбора, протекающего среди самих идей, сродни тому, что имеет место в живом мире, обеспечивая его эволюционное развитие. Попытка в рамках этой статьи хотя бы на самом поверхностном уровне изложить основы меметики — а без этого оперировать ее инструментарием невозможно, поскольку это

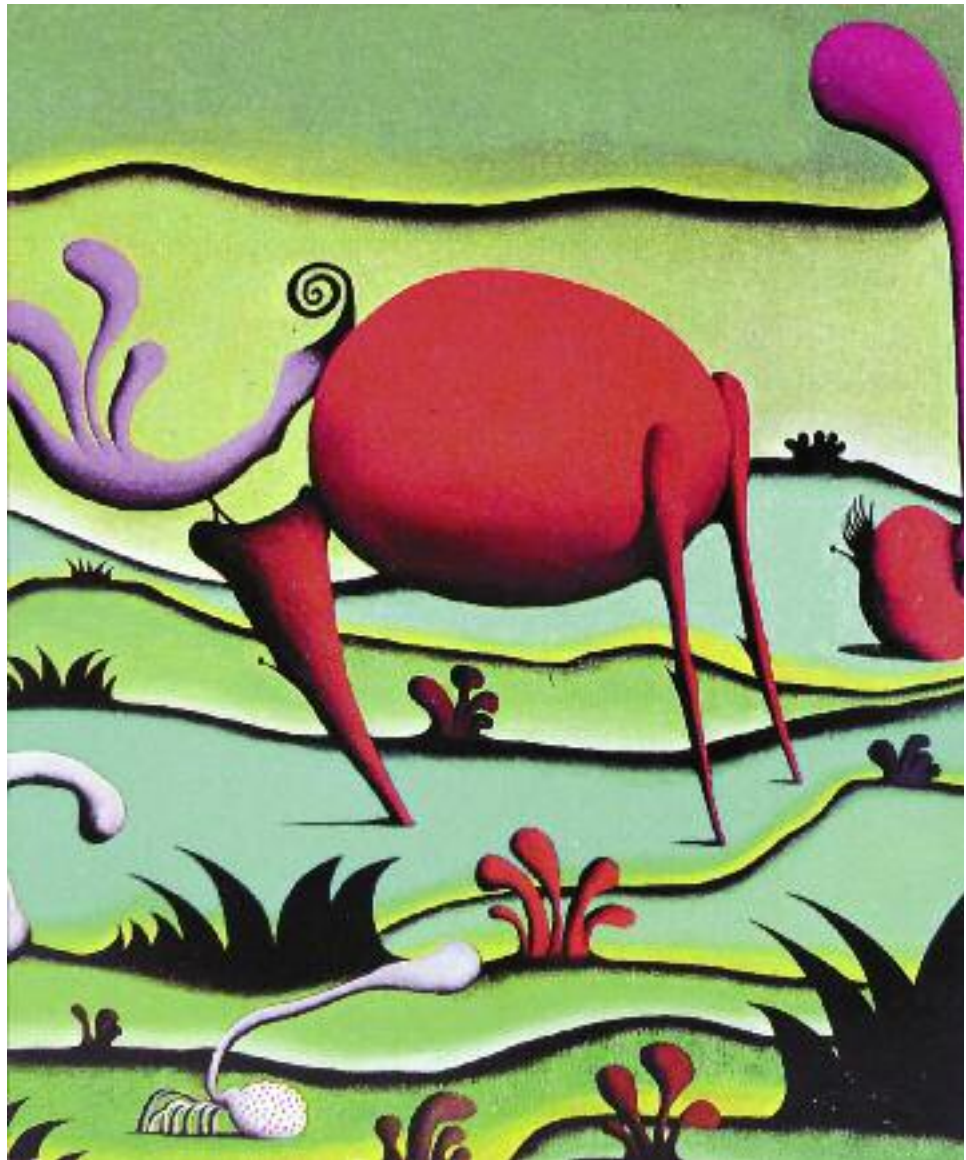
новое направление еще не стало общеизвестным, — приведет к недопустимому увеличению объема статьи и надолго уведет нас в сторону от главного, того, ради чего статья писалась. Вместо «введения в меметику» упомянем две книги, в которых эти вопросы изложены: «Эгоистичный ген» Ричарда Докинза (1993), основателя меметики, и «Мастера иллюзий. Как идеи превращают нас в рабов» Ильи Носырёва (2013). Первый автор — ученый-эволюционист, широко известный как воинствующий атеист. Вторая книга является одновременно популярным введением в меметику и исследованием процесса конкуренции и борьбы за выживание религиозных систем.

Исследований, в которых становление, борьба и эволюция идей, лежащих в основе того, что мы называем Мечтой, пока нет. Указав на это, мы высказываем надежду, что такое исследование появится и его результаты выявят что-то новое и важное в отношении связи между «глубинными чаяниями народа», в частности — его стремлением к «справедливости», и теми конкретными рациональными формами — идеями, идеологиями, религиями, политическими программами и лозунгами, — которые народ воспринимает как реализацию своих надежд. А пока мы приведем здесь один из важных выводов, сделанных в результате анализа «естественного отбора в мире идей»: не все идеи (доктрины), которые люди считают правильными и полезными для жизни хотя бы и на протяжении многих столетий, являются безусловно таковыми — правильными и полезными — для выживания и развития человечества. Возвращаясь к теме статьи, скажем: Мечта (ставшая политическим конструктом, культурной едини-

цей — мемом) может быть полезной для выживания и развития, может быть индифферентной по отношению к этим процессам, а может быть и вредной, вести к депопуляции и вырождению. Причем критерия, позволяющего в режиме реального времени с необходимой точностью определить, «вредна» или «полезна» мечта-идея, охватившая народ, — нет. Для оценки влияния на такие медленные и длительные процессы, как «выживание» и «развитие», нужны порой столетия. Результат действия мечты-идеи, воспринимаемый как успех на каком-то отрезке истории, может обернуться трагедией в будущем. Об этом надо хотя бы пытаться размышлять, стараясь на уровне предположений предвидеть возможные исходы очарованностью мечтами. Что мы, конечно, и стараемся делать и без всякой меметики, чей статус — «наука — не наука» — в стадии обсуждения. Но, возможно, новые подходы окажутся в чем-то полезными.

В Новейшее время Россия пережила два «прорыва к справедливости», охвативших всю страну. Первый вошел в историю как Революция 1917 года, второй — как перестройка.

Дважды в течение XX века Россия кардинально изменила свое государственное устройство, жестоким, революционным путем сломав все предшествующие основы государства и насадив не просто новые, а сущностно противоположные. Революция 1917 года «оседлала» то самое вечное стремление народа к справедливости, дала народу явные, материально ощутимые результаты в виде земли и мира, в виде подлинного равенства — отказа от сословий. Произведенная в ходе Октябрьской революции «экспроприация» — изменение базового принципа собственно-

Десмонд Моррис. Долина в ожидании (фрагмент)

Развивающееся в последнее время направление, называемое меметикой, предлагает новый взгляд на «борьбу идей», рассматривая ее с точки зрения естественного отбора, протекающего среди самих идей, сродни тому, что имеет место в живом мире, обеспечивая его эволюционное развитие.

сти «по Марксу» — не была вековой мечтой. Это была доктринальная ценность, которую внедряли осознанно, целенаправленно, жестоко и — несправедливо. Маркс и его последователи верно определили тот комплекс проблем, который, по их мнению, мог быть разрешен с помощью отмены частной собственности. Эти проблемы действительно удалось решить! Национализация позволила создать весьма эффективную социально-по-

литическую модель, в которой, однако, возникли собственные проблемы, приведшие ее к преждевременной гибели. Но мечта о справедливом обществе, охватившая широкие слои населения, — была. И во многом принимала форму мечты о коммунизме. Важно отличать политические цели и задачи марксизма-ленинизма как идеологии, программы КПСС и прочих им подобных доктрин от собственно Мечты — эмоционального ком-

плекса ожиданий, который, несомненно, существовал. Причем «коммунистическая мечта» — это Русская (общероссийская) мечта! И ничья более, потому что у Маркса и прочих марксистов не мечта — а цель, выводы из теории.

Русская мечта в виде мечты о коммунизме жила недолго, но ярко. Во времена, в которые она была действенной силой, достигнуты высокие результаты в науке и технике, в образовании, здравоохранении, искусстве. Но как это ни парадоксально, в период наивысшего взлета и развития мечта стала угасать. Этот вопрос не был исследован с достаточной глубиной и тщательностью, каковых он, несомненно, заслуживает. Детальный анализ того, как именно мечта перестала «работать», еще предстоит провести. Можно лишь утверждать, что последовательность фундаментальных ошибок советского руководства привела к кризису 80-х и к гибели государства со всеми «народными чаяниями» в 90-х, когда был осуществлен второй акт падения в чудовищную несправедливость.

Перестройка и последовавшие за ней катастрофы — путь бесконечной, каждодневной лжи, обмана, преступлений, грабежа, соглашательства и массового предательства народом идеалов — собственных и отеческих. Несправедливо отнятая в Революцию собственность, за семь десятилетий превращенная в общенародную, ставшая худо-бедно, но служить людям и новыми поколениями уже воспринимавшаяся как справедливая, была обманным путем захвачена новыми циничными «революционерами».

Перестроечные и постперестроечные массовое предательство, разрушение и разграбление не выдвинули ни одного лозунга, ни одного

призыва, который хоть как-то напоминал бы Мечту, который нашел бы отклик в том вечном стремлении к справедливости, которое всё еще живет в народе. Ни «социализм с человеческим лицом», «ни больше демократии, больше социализма», ни «ускорение и гласность» не являются ни мечтами, ни даже самыми примитивными целями. Это манипулятивный процесс насильственного воздействия на сознание, это не «оседлание волны народных чаяний», а одурманивание народа мошенниками. Лозунги 90-х еще страшнее и циничнее, они еще дальше от стремления к справедливости и уж совсем не похожи на народную мечту: «альтернативы рынку нет», «борьба с привилегиями» и «партократами» и т.п.

«Коммунистическая мечта» отвечала требованиям, которые можно предъявить к политическому концепту, она действительно работала как инструмент реальной политики, и ее идеалы воспринимало и разделяло большинство населения. Разумеется, не все поголовно — как не все поголовно граждане США разделяют идеалы Американской мечты. Никакого иного полноценного примера Русской мечты в нашей истории не было и нет. Подчеркнем еще раз, что мы призываем воспринимать концепт Мечты исключительно как политический — иначе мы не можем рассматривать его как инструмент политики и не можем сравнивать между собой те четыре мечты — Американскую, Европейскую, Китайскую и Русскую, — о которых идет речь в статье.

В связи с этим не следует считать Русской мечтой ни архаичные представления о «лучшей жизни», закрепленные в фольклоре («молочные реки — кисельные берега»), ни спекулятивные построения, осно-

ванные на разного рода оценках потребностей населения, представленных в социологических исследованиях. Потребности — не мечта. Цели — включая «планы пятилеток», «планы реформ» и прочие способы их достижения — тоже не мечта.

В качестве примера социологического исследования, в котором произведена подмена понятия потребности (цели, стремления, желания) на понятие Мечты, можно привести аналитический доклад 2012 года, подготовленный Институтом социологии РАН «О чем мечтают россияне». В нем содержится много весьма интересных и полезных данных, однако их интерпретация, особенно с использованием словосочетания «Русская мечта», в свете сказанного выше — ошибочна.

Мечта — это комплекс духовно-материальных идеалов, разделяемых большинством населения, стремление к реализации которых в реальной жизни ощущается как надлежащая норма. Отдельные аспекты Мечты в процессе стремления к их достижению становятся целями, подкрепленными теми или иными путями их осуществления. Мечта, будучи комплексом идеалов, выражается в образно-эмоциональной форме и остается — в отличие от целей — расплывчатой, изменчивой, не поддающейся слишком точным определениям. Тем не менее именно на образно-эмоциональном уровне Мечта и объединяет, и увлекает огромные массы людей, с ее помощью — как инструмента политики — люди оказываются способными к восприятию общих целей, вдохновляются, воодушевляются на совместные действия по их воплощению в жизнь. Мечта — это образ цели, которую ты сам можешь достигать, добиваться. Это действие. Мечта — это непре-

менно оптимистическое ожидание. Пессимистическая мечта — оксюморон, нечто невозможное. Это патология, торжество Танатоса.

Откуда берется общенациональная мечта? Как мы видели из приведенных в предыдущих главах примеров, ее осознают и формулируют политические лидеры, «угадывая», «улавливая» состояния общественно-го сознания и чаяния народа. Иногда на это уходят столетия, как в Америке: основные идеи и принципы были заложены в Декларации независимости и Билле о правах в XVIII веке, а концепт — как образная система идеалов — возник лишь в 30-х годах XX века. Иногда — десятилетия, как это произошло с формированием «коммунистической мечты» в СССР, основанной, однако, на столетиях и даже тысячелетиях генезиса социальных утопий. Эффективность «коммунистической мечты», ее качество как политического ин-

Русская мечта в виде мечты о коммунизме жила недолго, но ярко. Во времена, в которые она была действенной силой, достигнуты высокие результаты в науке и технике, в образовании, здравоохранении, искусстве. Но как это ни парадоксально, в период наивысшего взлета и развития мечта стала угасать.

струмента оказалось невысоким. Был период, когда она, выраженная в форме «научного коммунизма» и широкого спектра произведений литературы, искусства, публицистики и многого другого, не просто существовала, но оказывала реальное влияние, причем не только на советское общество, но и на весь мир. Но «коммунистическая мечта» умерла, вернее, ее незримое присутствие в душах людей ослабло еще до того, как ликвидировалась государственная форма, оболочка, под защитой которой она существовала. Потом мечта ушла и из реальной политики. И произошло это, по всей видимости, потому, что общая мечта живет и действует, если она,

во-первых, адекватно отражает реалии, настроения, чаяния отдельных людей, во-вторых, ее поддерживают в живом, активном состоянии, а не превращают в примитивные догматические лозунги, ну и, в-третьих, если сама политическая власть не начинает эту мечту дискредитировать и уничтожать. В СССР действовали все эти негативные факторы.

В последние десятилетия влияние «коммунистической мечты» не равно нулю — коммунистическая идея является одной из фундаментальных социальных доктрин, сохраняющих свою привлекательность веками, — но столь незначительно, по крайней мере в нашей стране, что говорить

Дважды в течение XX века Россия кардинально изменила свое государственное устройство, жестоким, революционным путем сломав все предшествующие основы государства и насадив не просто новые, а сущностно противоположные.

о ней как об общенациональной доминанте не приходится. Важно пояснить, что фиксируемые социологическими исследованиями «просоветские» настроения, ностальгия по СССР, высокие рейтинги некоторых коммунистических лидеров, гордость за победы советского народа в войне и мирном труде — не являются современной Русской мечтой, хотя эти предпочтения и являются доминантой: те или иные аспекты «ностальгии по СССР» разделяет от «более половины» до «более восьмидесяти процентов» населения России. Этот факт может и должен быть базисом для формирования новой Русской мечты, но пока этого не делает никто. Политические партии коммунистического толка опираются на лозунги

ушедших лет, а все прочие строят свои программы и псевдоидеологии на критике или на идеализации фантомов прошлого. Либо на апелляции к чужой мечте — Американской или Европейской — или на прямом их заимствовании, предлагая их в качестве пригодных для России. Но действенная современная Русская мечта вряд ли сможет стать эффективным инструментом, если она будет обращена только в прошлое — неважно какое: коммунистическое или дореволюционное. Она не сможет стать им и в том случае, если она будет оторвана от прошлого — и советского, и имперского, и еще более древнего. Мечта должна органично вырастать из прошлого народа, причем — позитивного прошлого.

Трагедия современного разрушенного общественного сознания, неспособного к формированию Мечты, состоит в том, что политики и пропагандисты опрокинули его не в достижения прошлого, а в выгребную яму русской истории. А в выгребной яме Мечта не живет.

Общенациональная мечта — психологический феномен. А в психологии — и личной, и социальной — известно, что «уйти от прошлого», отталкиваясь от него, — невозможно. «Прийти к будущему» можно, только погружаясь в него, в будущее. А из прошлого должен доноситься лишь ветер собственной силы и гордости. Упрощенно говоря, чтобы бросить курить, надо думать о себе не с сигаретой в зубах и даже не о вреде курения, а о себе некурящем, о пользе здорового образа жизни, формировать новый позитивный образ себя в будущем, отыскивая примеры собственного успеха, проявления своей силы воли — в прошлом. Примеры и память о своих достижениях придадут силы, в то время как цепляние за свои слабости, несовершенства — ослабляет, лишает воли.

Вот почему политические силы, желающие дальнейшей разборки России, с утра до ночи твердят про «ГУЛАГ», про «преступления коммунистического режима», про «Сталин хуже Гитлера»... Их задача — не дать Русской мечте сформироваться, их цель — не выпускать нас из выгребной ямы. Их предшественники — большевистские пропагандисты — делали то же самое, формируя образ «России — тюрьмы народов», сводя взаимоотношения людей к аспекту «эксплуататор—эксплуатируемый», а поиск ответов на метафизические вопросы — к «опиуму для народа». Но при этом рисовали образ «светлого будущего». Получалось: по-

зади — черным-черно, сегодня — трудно, но завтра — светлым-светло. Однако, как показывает практика, отбрасывание позитива из предшествующего прошлого, гипертрофия бывших в нем проблем ради формирования негативного образа сломанной системы общественного устройства — метод, лишаящий общество способности к формированию действенной продуктивной мечты. В этом смысле стоит внимательно присмотреться к базису Европейской мечты. В ней присутствует элемент того, что может ее разрушить: она построена не на памяти о великих победах и достижениях, а на мысли о том, что «прошлое не должно повториться». И что же мы имеем на сегодняшний день? Мы имеем возрождение фашизма в центре Европы — фашизма, уже принявшего форму вооруженных действий, убийства людей.

Мечта — как эмоциональное ожидание — живет и ждет. Мечта — как мобилизующий инструмент — не существует. Ужас 90-х сменился напряжением «нулевых», а ныне мы переживаем неопределенность «десятих». Политическая жизнь — та, в которой мечты рождаются, — отсутствует. Она даже не профанируется — как в приснопамятный период перестройки. И это единственный плюс от полной заморозки политической жизни: лучше временный анабиоз, чем смертельный гнилостный процесс. Все-таки надежда на реанимацию сохраняется.

Русской мечты нет. Однако мечта — мечтой, но есть пределы возможного в реальной политике. И Мечта — как политический конструкт — должна это учитывать. У нее должна быть и терапевтическая, и витальная функция. Надо смягчать уже сложившуюся конфигурацию катастрофы, безвыходности.

Факторы катастрофы внутри России многочисленны, но, слава богу, конечны. Прежде всего должна быть отброшена, уничтожена доминирующая в политической и экономической элите система взглядов на предназначение государства и смысл жизни, разьевавшая как раковая опухоль всю страну. Ложь про «план и рынок», про «права и свободы» — как высшие ценности — должна быть названа ложью, отброшена и утилизирована в наборе инструментов для достижения подлинных целей и смыслов. Дегенеративная финансовая система, созданная для обслуживания системы воровства и вывоза капитала, уже не может делать даже этого. А должна обеспечивать промышленное и сельскохозяйственное развитие. Не бла-бла-бла, не «импортозамещение», не «модернизацию», не весь прочий «бырдырмыр» — а промышленное и сельскохозяйственное развитие. Именно это — а не «инвестклимат» — часть Мечты. Не менее срочной мерой и центральной частью новой Мечты должно стать возрождение образования — как системы воспитания, выращивания человека этой самой новой Мечты. Не «реформирование», не «повышение эффективности», а выращивание нового человека — Мечта. Политическая жизнь в стране должна возникнуть, выйти из заморозки, политическая дискуссия и конкуренция обязаны давать свои плоды, свой урожай новых идей и решений. Карфаген системы принятия стратегических решений должен быть разрушен — напомним, что я говорю о Мечте, а не пишу инструкцию по изменению политического строя, поэтому ответа на вопрос: а как же это сделать — в этой статье не будет.

Факторы катастрофы вне России: конфронтация с Западом и значительной частью не-За-

пада, прямая и косвенная зависимость российского истеблишмента от внешнего управления, кошмар Украины, политические и экономические санкции. Как быть с этим? Как Русская мечта может эти факторы если не устранить, то хотя бы смягчить? Новая Русская мечта должна предстать в новом обличье, она должна быть нацелена на поиск выгодных для нас компромиссов, а не на «победную конфронтацию». И на компромисс не с тем миром, который мы видим сейчас, а с тем, который уже нарождается, чью структуру сейчас уже можно угадывать. Политическая структура российского общества тоже должна измениться настолько, чтобы в ней возникли и укрепились диалогоспособные политические партии и движения. Такие, с какими и Запад, и Восток — меняющиеся на наших глазах — захотят иметь дело и какие при этом о России думают как о Родине-матери.

И вот тогда... Тогда, ощущая Мечту как цель, образ будущего — как самое лучшее, самое надежное, самое сильное, самое привлекательное во всех отношениях общество и государство, — охваченные объединяющей Мечтой, ведомые светлыми политическими лидерами к светлому будущему, мы, граждане России, проявим все свои самые лучшие качества, реализуем все свои потенциалы, достигнем личного и общего успеха.

Когда — «тогда»? Когда гнев от бесконечной и всеохватной несправедливости выведет толпы на улицы? Это весьма вероятно. Не успеешь воодушевить Мечтой — получишь гнев. В том числе и на голову того, кто был должен, мог — но не сделал. Но гнев — это не Мечта. И результат гнева — разрушение. А нам нужны: не гнев — а воодушевление, не разрушение — а развитие. 🇷🇺